

ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА М. В. ЛОМОНОСОВА: ПОПЫТКА СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

Ключевые слова: поэтический язык, троп, риторика, исторический словарь, переносное значение, помета.

Статья посвящена некоторым проблемам словарного описания семантики в художественном языке М. В. Ломоносова. Разработанные для Словаря языка М. В. Ломоносова пометы можно разделить на две группы. Первая группа описывает переносное значение конкретного слова (четыре базовых тропа — метафору, метонимию, синекдоху, антономазию). Вторая группа помет нацелена на описание образного контекста, в котором слово употреблено. Она описывает тропы, тяготеющие к развернутости (перифразу, гиперболу, иронию) и семантические явления, связанные с иносказательным использованием языка, но не являющиеся собственно тропами (олицетворение, сравнение, аллегория, миф).

I

С 2012 г. в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН ведется исследовательская работа по описанию и изучению поэтической иносказательности у М. В. Ломоносова, и прежде всего — поэтических тропов (слов в переносном значении)¹. Поскольку новаторство М. В. Ломоносова именно в области поэтического словоупотребления является общепризнанным, методология описания переносных значений играет первостепенную роль

---

* Миляуша Габдрауфовна Маматова, магистр лингвистики, аспирант кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, лаборант отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

** Евгений Михайлович Матвеев, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН, ст. преп. кафедры истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.

¹ В проекте принимают участие М. Г. Маматова, Е. М. Матвеев, А. С. Смирнова. Работа осуществляется при поддержке Совета по грантам президента Российской Федерации (грант МК-3364.2012.6 «Риторические основы поэтического языка М. В. Ломоносова», рук. Е. М. Матвеев). Научными консультантами проекта являются П. Е. Бухаркин и С. С. Волков.

для готовящегося в настоящее время в ИЛИ РАН Словаря языка М. В. Ломоносова.

В крупнейших отечественных трудах в области авторской лексикографии по-разному решалась проблема соотношения «общезыкового» и «индивидуально-авторского». Так, например, основной целью «Словаря языка А. С. Пушкина» было «описать факты общенационального литературного языка, его словарного состава, нашедшие отражение и применение в произведениях А. С. Пушкина» (СЯП 1956: 10). Вопросы индивидуального стиля А. С. Пушкина отходили на второй план. В предисловии к словарю отмечается: «Словарь далеко не охватывает всех качественных особенностей пушкинского стиля в области словоупотребления <...> Он не берет на себя задачу описания и использования развернутых метафор пушкинского стиля» (Там же).

В ходе работы над двумя авторскими словарями — Словарем автобиографической трилогии М. Горького, концепция которого принадлежит Б. А. Ларину и его ученикам, и Словарем языка русской советской поэзии, разработанным В. П. Григорьевым, — в 60–70-е годы XX в. развернулась полемика по вопросу о границах индивидуально-авторского в поэтическом языке. С точки зрения В. П. Григорьева, опиравшегося, в частности, на идеи Р. Якобсона, эстетическое преобразование слова проявляется в особых авторских, отклоняющихся от нормы словоупотреблениях, при этом художественный текст предстает как последовательность эстетических и обычных знаков (последние иногда называются «упаковочным материалом»² художественного произведения, см.: Григорьев 1965: 24; Поцепня 1997: 14–15). В предисловии к итоговому варианту «Словаря русской поэзии XX века», первый том которого вышел в 2001 г., В. П. Григорьев писал:

«Нередко кажется: ни одному слову поэт не уделяет особого внимания, как бы поровну распределив между словами “общую образность” текста. Это — иллюзия» (СЯРП 2001: 7).

Оппоненты В. П. Григорьева, представители ларинской школы лексикографии, были сторонниками теории общей

---

² Термин «упаковочный материал» принадлежит Л. В. Щербе (Щерба 1940: 92).

образности языка писателя, согласно которой сущность эстетической функции языка состоит в направленности всех речевых средств произведения словесного искусства к воплощению его эмоционально-образного содержания. Авторы и составители «Словаря М. Горького» — Б. А. Ларин, Л. С. Ковтун, Д. М. Поцепня и др. — оспаривали тезис о том, что нулевой точкой эстетического отсчета выступает общенормативное, над которым надстраивается художественная речь (Поэт и слово 1973: 67; Поцепня 1997: 23). Как писала Д. М. Поцепня,

«художественное преобразование слова начинается не со смыслового сдвига в его семантике, а в материале, внешне совпадающем с фактами литературного и шире — общенародного языка» (Поцепня 1997: 107) и «эстетическое преобразование общелитературного и шире — общенародного слова начинается не с уровня семантического сдвига и отхода от обычного значения, нарушения сложившейся нормы, стандарта словоупотребления, а с отношения слова к мысли писателя, к его видению мира, к образу персонажа» (Поцепня 1997: 203).

Исходя из этого, составители Словаря М. Горького настаивали на том, что даже привычное номинативное словоупотребление является важным компонентом типологии художественного значения слова (Там же).

Не вдаваясь в подробности этой полемики, отметим одно важное обстоятельство: при имеющейся разнице в подходах к проблеме поэтического языка оба авторских словаря, материалом которых является язык русской художественной литературы XX в., рассматривают индивидуально-авторское на фоне общеязыкового, т. е. на фоне сложившегося национального литературного языка, подробно описанного в нормативных словарях.

Совсем иная ситуация возникает в ходе исследования художественного (поэтического) языка поэта или писателя XVIII в., и особенно М. В. Ломоносова.

II

Первая теоретическая проблема, которая встает при попытке описания поэтического языка М. В. Ломоносова, — это проблема общеязыкового употребления, на фоне которого

можно описать, используя термин В. П. Григорьева, авторские «словопреобразования». Мы не располагаем полным лексикографическим описанием русского языка XVIII в. до Ломоносовского периода. Наиболее авторитетный на сегодняшний день «Словарь русского языка XVIII века» создан только наполовину. Единственным доступным нам относительно полным описанием такого массива оказывается «Словарь Академии Российской, производным путем расположенный» (Ч. 1–6. СПб., 1789–1794). Авторы этого словаря так или иначе задумывались над оппозицией «индивидуально-авторского» и «общезыкового». В «Начертании для составления толкового словаря славяно-русского языка» говорится:

«На Словарь строго взыскивать не можно всех знаменований и присвоений метафорических, довольно, если в нем больше употребительных» (Начертание 1880: 309).

При этом фиксируемые авторами «употребительные» переносные значения слов в САР зачастую иллюстрируются именно примерами из Ломоносовской поэзии. По подсчетам М. И. Сухомлинова, в «Словаре Академии Российской» М. В. Ломоносов цитируется 883 раза (в основном, приводятся стихотворные цитаты), А. П. Сумароков — 30 раз, В. П. Петров — 13 раз, М. М. Херасков — 11 раз (Сухомлинов 1888: 28). Таким образом, САР не отражает с необходимой полнотой и объективностью языковое состояние современной ему эпохи, поэтому использование его в качестве языкового фона для изучения поэтического языка М. В. Ломоносова не представляется возможным.

Вообще, использование материала толковых словарей русского языка при выделении переносных значений у Ломоносова сопряжено с большими трудностями.

Во-первых, к ним относятся семантические различия между современным значением слова и его значением в языке XVIII в. Например:

И варварския руки те,
Что их держали в тесноте (8, 27³).

---

³ Ссылки на цитаты из произведений М. В. Ломоносова приводятся по АПСС и оформляются сокращенно: первая цифра обозначает номер тома, вторая — страницу.

Слово **варварский** в значении *‘жестокий, грубый’* в современном русском литературном языке не является переносным (БАС 2, 51⁴), в словарях XVIII в. перенос фиксируется (САР¹ I, 492; САР² I, 384; Сл. XVIII в. 2, 214).

Во-вторых, в различных исторических словарях для описания переносных значений могут использоваться разные принципы. Примером может служить слово **прекрасный** у Ломоносова:

На верьх Парнаских гор **прекрасный**
Стремится мысленный мой взор (8, 137);

Но, о **прекрасная** планета,
Любезное светило дней! (8, 141);

Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена (8, 199) и др.

Данная лексема представляет интерес в связи с тем, что показания словарей расходятся в ее характеристике. Так, в САР¹ и САР² слово **прекрасный** рассматривается как превосходная степень прилагательного **красный**, поэтому оно в словаре отдельных значений не имеет. В связи с тем, что слово **красный** во всех значениях, кроме тех, что обозначают цвет либо отношение к нему, является переносным, то и употребления прилагательного **прекрасный** характеризуются как переносные (САР¹ III, 902–903; САР² III, 381–383). Что касается других словарей, то данные лексемы в них описываются отдельно и их значения не характеризуются как переносные (Сл. РЯ XI–XVII вв. 18, 252; Сл. 1847 3, 441). Еще один пример — слово **ветвь** в следующей строке: «Породы Царской **ветвь** прекрасна» (8, 35). Сл. XVIII в. выделяет значение *‘линия родства, поколение’*, не отмечая его как переносное (Сл. XVIII в. 3, 77); так же поступают и составители Сл. XI–XVII вв. (Сл. РЯ XI–XVII вв. 2, 123). Сл. 1847 приводит данное значение с пометой * (переносное). САР¹ и САР² вообще не выделяют данного значения (Сл. 1847 1, 249; САР¹ I, 1053; САР² I, 1052).

В-третьих, зачастую имеет место непоследовательность при описании производных, в частности, переносных значений

---

⁴ Ссылки на словари оформляются следующим образом: после сокращенного названия указывается номер тома, а затем страница.

в рамках одного словаря. О. Н. Лагута, проведя анализ лексикографического описания метафор в словарях XIX–XX вв., приходит к следующему выводу:

«Метаязык каждого словаря фактически не представляет собой завершенной системы: во-первых, используются взаимозаменяемые пометы, иногда нерегулярно, во-вторых, нет определенной организации словарных дефиниций. Словарная статья составляется стихийно, без учета опыта оформления аналогичных статей. Проблема метаязыка толкового словаря так и не решена до сих пор» (Лагута 2003: 147).

Данные положения, безусловно, касаются САР¹ и САР². Исследуя вопросы семантического описания в САР, Л. Л. Кутина отмечает, что

«в САР не проведено сколько-нибудь отчетливой грани между смыслами распространенными [то есть производными] и метафорическими. Усвоенная для указания на метафорическое значение звезда (*) часто вводит и другие виды “дальнейших” значений; типичные метафорические значения иногда не снабжаются этим знаком» (Кутина 1980: 85).

Примером подобного смешения может служить слово **пасть (падать)** в значении *‘погибнуть в сражении, в поединке’* («И Персы в жаждающих степях / Не сим ли **пали** пораженны?»; 8, 22). САР¹ приводит данное значение, сопровождая его звездочкой (САР¹ IV, 676), в то время как другие словари не дают пометы (Сл. РЯ XI–XVII вв. 14, 116–117; САР² IV, 762–763; Сл. XVIII в. 18, 235–236).

Особая проблема возникает в связи с тем, что семантические описания однокоренных слов, приведенных в словарях, не имеют системного характера. Например, прилагательное **ярый**, употребленное в следующих строках: «Корабль как **ярых** волн среди, / Которыя хотят покрыти, / Бежит, срывая с них верьхи, / Претит с пути себя склонити» (8, 18), — в САР¹ не имеет соответствующей данному употреблению дефиниции (единственное значение, которое дает словарь: *«гневливый, сердитый, добопреклонный к сильному и неуголимому гневу»*; САР¹ VI, 1051). Однако слово **ярость** имеет в словаре уже два значения: 1) *‘сильный, чрезвычайный гнев, запальчивость’*, 2) *‘говоря о стихиях значит: сильное устремление’*. Связь второго значения и приведенного примера употребления Ломоносовым прилагательного

ярый кажется очевидной. Еще один подобный пример — лексема **шуметь** («Шумит с ручьями бор и дол / Победа, Росская победа!»; 8, 24). В САР¹ лексема шуметь имеет только одно значение: *‘Произвожу шум’* (САР¹ VI, 924). Однако глаголы **прошуметь** и **расшуметься** получают иные определения: соответственно, *‘прокричать’* (САР¹ VI, 924) и *‘раскричатся’* (САР¹ VI, 924). Данное явление трудно объяснить отсутствием семы *‘кричать’* у слова **шуметь**. По-видимому, описание многозначных глаголов строилось без учета семантических связей в пределах словарного гнезда.

III

Второй важный вопрос, связанный с традиционной для авторских словарей оппозицией «индивидуально-авторского» и «общеязыкового», — это вопрос о применимости данной оппозиции к описанию поэтического языка XVIII в., времени становления национального литературного языка. Для этого периода характерно «сложное многообразие жанровых и функционально-речевых стилистических вариаций» (Виноградов 1978: 195), возникающее в результате сосуществования и смешения двух литературных языков — русского и церковнославянского⁵. В данном случае условным оказывается как само понятие «общеязыкового фона», так и возможность его лексикографического описания.

По-видимому, при отсутствии универсальной языковой нормы авторский язык формируется под влиянием определенной литературной традиции, предъявляющей свои законы и формы литературного выражения. Данное обстоятельство представляет собой один из аспектов, сближающих любой авторский словарь с историческими словарями (Шестакова 2011: 35–38), и приобретает особую актуальность при описании языка писателя середины XVIII в., т. е. писателя эпохи «готового слова» или «риторической эпохи», когда, по словам А. В. Михайлова, готовое слово «ловит автора на его пути к действительности

---

⁵ В настоящее время в науке существуют различные точки зрения, касающиеся языковой ситуации в России XVIII века. Краткий обзор современного состояния проблемы см., в частности: (Круглов 2004: 7–13).

<...> ведет его своими путями <...> заранее уже продуманными, установившимися и авторитетными для всякого, кто пожелает открыть рот или взять в руки перо, чтобы что бы то ни было высказать» (Михайлов 1997: 117). В связи с этим, как представляется, не вполне корректно, приступая к филологическому описанию художественного языка поэта риторической культуры, пользоваться традиционным для лексикологии и авторской лексикографии разграничением понятий «языковая метафора» и «художественная метафора». Наиболее подходящим определением для характеристики тропов в этом случае является термин «риторическая метафора» — метафора, переходящая от одного автора риторической словесности к другому. Здесь, правда, необходимо сделать одно существенное уточнение. В ряде исследований (в частности, в книге Г. Н. Склярёвской «Метафора в системе языка» и в некоторых других) подчеркивается, что риторическая метафора, не обладая индивидуальностью, является своего рода «художественным штампом», клише (Склярёвская 2004: 41), представляет собой «механическое соединение схематических образов» (Бельский 1954: 286) и поэтому предполагает ослабление или утрату образного элемента или эстетического потенциала (Склярёвская 2004: 41). Можно предположить, что в текстах риторической эпохи ситуация все же иная и использование типичных для этой культуры метафор никак не связано с утратой образа и эстетической нагруженности, поскольку сами механизмы создания образа в риторической культуре связаны с употреблением «готовых слов».

Одним из примеров традиционных риторических метафор в одической поэзии М. В. Ломоносова могут служить метафоры, активно используемые в произведениях древнерусской литературы (такие как «смерть князя — затмение солнца», уподобление желанного и высшего качества свету, «печального» или враждебного — тьме⁶). И. З. Серман отмечал, что

«Ломоносов был не только продолжателем и хранителем стилистических традиций древнерусской литературы, многие ее устойчивые образы он видоизменял, приспособлял к изображению других явлений» (Серман 1966: 105).

---

⁶ Об этих метафорах см., в частности: (Адрианова-Перетц 1947: 13–36; Серман 1966: 103–106; Моисеева 1971: 240–244).

Серман в книге «Поэтический стиль Ломоносова» показал, как осуществляются у Ломоносова такие творческие видоизменения традиционных метафор древнерусской литературы. Своеобразной иллюстрацией сходного процесса на нашем материале может служить, например, семантика слова **меч** в одической поэзии Ломоносова. Оно часто употребляется в двух значениях, которые определенно восходят к древнерусской литературе и отмечаются в Словаре русского языка XI–XVII вв.: 1) меч ‘оружие вообще, военная мощь, сила’; 2) *перен.* ‘о насилии, разорительной войне, междоусобице’ (Сл. РЯ XI–XVII вв. 9, 137–138)⁷. Приведем несколько контекстов из ломоносовской поэзии:

Но враг, что от **меча** ушел (8, 24);

Целуйте руку, что вам страх

Мечем кровавым показала (8, 26);

Мечем противник где смирен (8, 27);

Которы будут в громкой славе

Мечем страшить и гнать врага (8, 36);

Меча Российска виден блеск (8, 40);

О дерсский мира нарушитель,

Ты **мечь** против Меня **извлек** (8, 86);

Забыв и **мечь**, и стан, и стыд (8, 23);

И огонь, и **мечь** да удалится (8, 216);

И **мечь** Твой, лаврами обвитый (8, 219);

На **мечь**, на Готов **обнаженный** (8, 93);

Целуй Елисаветин **мечь**,

Что ты принудил сам **извлечь** (8, 87);

И, Марс, **вложи** свой шумный **мечь** (8, 61) и т. д.

---

⁷ В статье «меч» в Сл. РЯ XI–XVII вв. к двум вышеприведенным значениям приводятся следующие устойчивые сочетания: 1) *взяти (поимати) мечем* ‘завоевать, подчинить военной силой’; *мечем зайти* ‘покорить военной силой’; *мечем подклонити, под меч подклонити* ‘заставить подчиниться военной силе’; 2) *мечем крамолу ковати* ‘вести междоусобные войны’; *меч изострити, отстрити(ся)* ‘об угрозе кому-л. войной, смертью от военной силы; о каре, наказании’; *предати(ся) мечу, в меч, на меч, под меч* ‘обречь кого-л. на войну, уничтожить (быть уничтоженным) военной силой’; *быти под мечем* ‘быть под чьим-л. игом, под насильственной властью’; *меч и огонь ввергнути, мечу и огню предавати, огнем и мечем убити* ‘обречь кого-л. на войну, уничтожить военной силой’; *взимати меч противу кого-л., поднести меч, послати меч (меча) на кого-л.* ‘начать военные действия против кого-л.’; *положити под меч* ‘убить, уничтожить оружием’; *меч уняти* ‘прекратить войну, остановить военное нападение’.

Любопытно, что большинство используемых Ломоносовым устойчивых сочетаний со словом «меч» («извлечь меч», «обнажить меч», «вложить меч») отсутствуют в Словаре русского языка XI–XVII вв. и в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского (Сл. ДРЯ) и — напротив — зафиксированы в Словаре русского языка XVIII в., причем с отсылкой именно к Ломоносову (Сл. XVIII в. 12, 163–164). При этом в Словаре русского языка XI–XVII вв. присутствуют устойчивые сочетания, построенные по той же модели (глагол + сущ. **меч** в вин. п.) со сходной семантикой: например, *меч изострити, отстрити(ся)* ‘об угрозе кому-л. войной, смертью от военной силы; о каре, наказании’, *взимати меч противу кого-л., поднести меч, послати меч (меча) на кого-л.* ‘начать военные действия против кого-л.’, *положити под меч* ‘убить, уничтожить оружием’, *меч уняти* ‘прекратить войну, остановить военное нападение’. Как кажется, рассмотренный случай, как и примеры, приводимые И. З. Серманом, демонстрирует один из механизмов существования индивидуально-авторского начала в культуре готового слова: авторская свобода проявляется в создании вариантов, не затрагивающих модель в целом.

IV

Третий важный вопрос, который хотелось бы рассмотреть, связан с практической стороной описания образной системы в поэтическом языке М. В. Ломоносова, а именно с выделением тропов. Одна из базовых проблем, возникающих при работе с тропами, связана с их классификацией. На первый взгляд, было бы логично, исследуя поэтический язык М. В. Ломоносова, обратиться к перечню тропов, предложенному самим Ломоносовым. Как известно, в своем главном риторическом трактате — «Кратком руководстве к красноречию» (1748) — Ломоносов выделял две группы тропов: «тропы речений», к которым относил метафору, синекдоху, метонимию, антономазию, катахресис и металепсис (7, 245), и «тропы предложений», представленные такими явлениями, как «аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония» (7, 249). Внимательное рассмотрение ломоносовской классификации привело нас к выводу о том, что подход Ломоносова к тропам принципиально

неприменим для нашей работы, связанной с риторическим исследованием художественных текстов. Причина этого состоит в фундаментальном различии между нормативной классической риторикой, в рамках которой созданы риторические трактаты М. В. Ломоносова, и научной неориторикой XX в., вне парадигм которой невозможно в настоящее время рассматривать теорию тропов и фигур. Классическая риторика, адресованная создателям речевых сообщений (авторам), предлагает некий свод подробных рекомендаций (в частности, перечни тропов и фигур), пользуясь которыми можно убедительно и красиво выразить мысль (в определении риторики в «Кратком руководстве к красноречию» подчеркивается данная задача риторического знания: «Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об одной мнению»; 7, 91). Литературная же неориторика во всех ее разновидностях (как и смежные с ней дисциплины, такие как стилистика и лингвистическая поэтика) имеет совсем иную цель — анализ художественного текста, поэтического языка и способов формирования при помощи этого языка проблематики текста⁸. Этими задачами обусловлено стремление неориторики сформировать научную классификацию тропов, позволяющую свести все многообразие «частных случаев», тщательно дифференцируемых классической риторикой, к ряду «базовых» тропов. Среди ломоносовских «тропов речений» можно обнаружить такие «частные случаи». Например, катахриси́с определяется автором «Краткого руководства» как «перемена речений на другие, которые имеют близкое к ним знаменование, что бывает ради напряжения или послабления какого-нибудь действия или свойства, например: для напряжения — *бояться* вместо *ждать*; *бежать* вместо *итти*; *бранить* вместо *выговаривать*; *лукав* вместо *хитр*; *скуп* вместо *бережен*; *нахален* вместо *незастенчив*; для послабления — *ждать* вместо *бояться*; *итти* вместо *бежать*; *выговаривать* вместо *бранить*; *хитр* вместо *лукав*; *незастенчив* вместо *нахален*» (7, 249). Видно, что в данных примерах доминирует количественный принцип переноса (преувеличение либо приуменьшение), соответственно,

---

⁸ См., например: (Авеличев 1986: 16–22; Безменова 1991: 122).

с точки зрения принципа переноса данные примеры сводятся к таким тропам, как гипербола и литота (заметим, кстати, что такой троп, как литота вообще отсутствует в перечне тропов, выделенных Ломоносовым в «Риторике»). Еще один пример — троп «металепсис». По Ломоносову, этот троп представляет собой «перенесение слова через одно, два или три знаменования от своего собственного, которые одно из другого следуют и по оному разумеются: *Как десять жатв прошло, взята пространна Троя*» (7, 249) по сути является частным случаем метонимии. Ряд явлений, описываемых Ломоносовым в главах «Краткого руководства к красноречию», посвященных тропам, с позиций современного, анализирующего художественный текст сознания зачастую интерпретируется совершенно иначе. В качестве примера можно рассмотреть одну из разновидностей синекдохи. По Ломоносову, «синекдоха есть троп, когда речение переносится от большего к меньшему или от меньшего к большему» (7, 246), что, в частности, «бывает <...> когда известное число полагается вместо неизвестного: *там тысячи валятся вдруг вместо множество валится*» (7, 246). М. В. Ломоносов приводит в качестве примера фрагмент собственной «Оды на прибытие Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 г. по коронации». Приведем контекст, в котором появляется данный пример:

Там кони бурными ногами
Взвивают к небу прах густой,
Там смерть меж Готфскими полками
Бежит ярься из строя в строй,
И алчну челюсть отверзает,
И хладны руки простирает,
Их гордый исторгая дух;
Там **тысящи** валятся вдруг.
Но естли хочешь видеть ясно,
Коль Росско воинство ужасно,
Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,
Коль много обнял Горизонт;
Внимай, как Юг пучину давит,
С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
Касается морскому дну,

На сушу гонит глубину
И с морем дождь и град мешает:
Так Росс противных низлагает (8, 89–90).

Из контекста видно, что количественный принцип переноса, позволяющий акцентировать внимание на интенсивности описываемых действий, здесь безусловно доминирует, и слово «тысячи» оказывается вовсе не синекдохой, а гиперболой.

Помимо базового различия подходов к тропам, демонстрируемых классической риторикой и анализирующей научной неориторикой, следует указать еще на то, что некоторые понятия классической риторики, перешедшие сегодня в разряд лингвистических и литературоведческих терминов, получили иные научные определения. Примером такой трансформации может служить термин «аллегория». По Ломоносову, аллегория «есть перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» (7, 250). Из определения следует, что для Ломоносова «аллегория» есть не что иное, как развернутая метафора. В современных же определениях (притом, что обычно признается сходство аллегии с развернутой метафорой) главным структурообразующим признаком аллегии называется замена обозначаемого абстрактного понятия конкретным художественным образом⁹.

С учетом всего вышеперечисленного, а также того обстоятельства, что общепринятой современной риторико-лингвистической классификации тропов не существует (Москвин 2007: 40–41), в исследованиях, посвященных риторическому анализу текста, возникает необходимость сформировать адекватный исследуемому материалу набор тропов. На этапе лексикографического описания возникают дополнительные трудности, связанные с передачей способов переосмысления слова в поэтическом тексте. Тот факт, что «художественная проза лучше освоена толковой писательской лексикографией, чем поэзия и, соответственно, словарная статья толкового авторского словаря больше “приспособлена” в общем виде к языку прозы» (Шестакова 2011: 107), создает необходимость разработки

---

⁹ См., напр.: (Томашевский 1999: 61; Хазагеров, Ширина 1994: 125; Лагутина 2003: 27; Москвин 2007: 99).

особой системы помет, отражающей авторское своеобразие семантических преобразований слов, с опорой на специфику материала. Для описания системы переносных значений и образных реализаций слова у Ломоносова был создан специальный рабочий перечень помет, релевантный для поэтического языка М. В. Ломоносова.

V

Для характеристики поэтической иносказательности и ее фиксации в словарях обычно используют два понятия, описывающих значение слова либо его употребление, — «переносное» и «образное». Смысл обоих терминов (а следовательно, и лексикографических помет *перен.* и *образно*) до настоящего времени в лингвистической науке однозначно не определен. По словам составителей проекта Словаря русского языка XVIII в.,

«утвердившаяся в наших словарях с 30-х годов (Словарь Ушакова) помета “переносно” не получила отчетливого статуса своего употребления. Согласно наиболее широкой точке зрения <...> переносны все вторичные значения, являющиеся результатом семантической деривации. Согласно более узкой точке зрения — переносны лишь те значения, которые основаны на фигуре переноса (метафоре, метонимии). Словари разнообразно колеблются между широким и узким понятием переноса (выводя, как правило, из разряда переносных значений номинативно-производные, в том числе и основанные на метонимическом переносе)» (Проект Сл. XVIII в.: 74).

Нет единства и в трактовках понятия «образное». По словам В. М. Мокиенко,

«традиционно <...> под образностью понимается способность языковых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности» (Мокиенко 1989: 157).

По мнению исследователя, образность реализуется исключительно через явление семантического переноса, создающего двуплановость слова или сочетания, т. е. «образное» и «переносное» есть по сути одно и то же: «расширение понятия образности за пределы переносного употребления слов и сочетаний привело бы к его смешению с понятиями “экспрессивность”, “эмоциональность” и т. п.» (Там же). С другой стороны, в практической лексикографической работе понятия «образное» и «переносное» могут разграничиваться. Приведем

в качестве примера механизм такого разграничения, разработанный составителями Словаря автобиографической трилогии М. Горького:

«В словаре различаются образные и переносные употребления слов. При образном употреблении слово не утрачивает важнейших признаков прямого значения. Оно сохраняет свойственные ему лексические связи и обычно реализуется в рамках широкого контекста <...> Переносные употребления слов характеризуются отвлечением одного из признаков прямого значения от остальных его признаков. При этом возникают новые контекстные связи слова взамен обычных. Все это ведет к устранению образа, чаще всего зрительного, на котором основан перенос значения» (САТГ: 33, 35).

Составители Словаря языка М. В. Ломоносова приняли решение не использовать пометы *перен.* и *образно.* Это связано, во-первых, с неоднозначностью их трактовки, о которой шла речь выше, а во-вторых, с тем обстоятельством, что использование этих помет, как представляется, не позволяет с необходимой для авторского словаря степенью подробности описать смысловые «преобразования» в художественном языке поэта риторической эпохи¹⁰.

Предлагаемая для Словаря языка М. В. Ломоносова система помет, описывающих различные типы переносных и образных словоупотреблений, может быть условно разделена на две группы. Первая группа помет — это пометы, описывающие переносное значение конкретного слова. Сюда включаются 4 базовых тропа — метафора, метонимия, синекдоха и антономазия.

Вторая группа помет нацелена на описание не одного конкретного слова, а образного контекста, в котором слово употреблено. Она описывает а) тропы, тяготеющие к развернутости (перифразу, гиперболу, иронию); б) семантические явления, связанные с иносказательным использованием языка, но не

---

¹⁰ Ср. в связи с этим замечание составителей Словаря русского языка XVIII в., разработавших свои принципы употребления помет *перен.* и *образно.*: «Контексты, демонстрирующие образные звенья процесса переноса, как правило, принадлежат художественной литературе XVIII в. Но вступая в сферу языка художественной литературы, Словарь XVIII в. касается лишь той его части, которая относится к явлениям стандартной образности, к неоднократно воспроизводимым в XVIII в. образам, символам, риторическим фигурам» (Проект Сл. XVIII в.: 75). Очевидно, что в Словаре языка М. В. Ломоносова сфера языка художественной литературы должна быть описана без каких-либо ограничений.

являющиеся собственно тропами (олицетворение, сравнение, аллегория, миф)¹¹.

Ниже представлена разработанная система помет, а также примеры словарных статей с ними.

I. ОПИСАНИЕ ПЕРЕНОСНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

1. *Мтф.* — метафора

МЕТАФОРА — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях сходства, аналогии. Например:

Дела Петровой Дщери **громки** (8, 102)
(**громкий** 'широко известный, знаменитый, славный').

2. *Мтн.* — метонимия

МЕТОНИМИЯ — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношениях смежности, связаны логически (при этом прямое значение сочетается с переносным). Например:

Но больше мирною **рукою**
Ты целой удивила свет (8, 220)
(**рукою** 'политикой, правлением')¹².

---

¹¹ Любопытно, что предлагаемая система помет, разрабатываемая дедуктивным путем (основанная на анализе фактов художественного языка М. В. Ломоносова), невольно оказалась соотносима с ломоносовским делением тропов на «тропы речений» и «тропы предложений».

¹² Метафора и метонимия представляют собой, по общему мнению подавляющего большинства исследователей, два базовых тропа. Н. Д. Арутюновой удачно описаны принципиальные различия в функциях и механизме образования метафоры и метонимии: «Метафора выполняет в предложении характеризующую функцию и ориентирована преимущественно на позицию предиката. Характеризирующая функция осуществляется через значение слова. Метонимия выполняет в предложении идентифицирующую функцию и ориентирована на позицию субъекта и других актантов. Идентифицирующая функция осуществляется через референцию имени. Поэтому метафора — это прежде всего сдвиг в значении, метонимия — сдвиг в референции» (Арутюнова 1990: 32). Способность создавать метафорические и метонимические переносы — это фундаментальная особенность нормальной речевой деятельности человека. Как показал Р. Якобсон, различные формы речевых нарушений связаны с потерей «либо способности

3. *Син.* — синекдоха

СИНЕКДОХА — разновидность метонимии, в которой используются отношения количественного характера (например, часть вместо целого, единственное число вместо множественного, множественное число вместо единственного и др.).
Например:

Мяжкой вместо мне перины
Нежна, зелена трава;
Сладкой думой бес кручины
Веселится **голова** (8, 11)
(**голова** ‘человек’);
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их **око**, слух нечует (8, 23)
(**око** ‘глаза’).

4. *Ант.* — антономазия

АНТОНОМАЗИЯ — троп, к которому относится:

а) употребление имени собственного в значении нарицательного:

Пускай в Германии Герой ваш <Карл XII в Польше. — М. М., Е. М.>
успевает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастьем кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року
Не найдет **Дария**, чтоб **Александром** стать (8, 729)
(**Дарий** ‘проигравший’
Александр ‘победитель’).

б) употребление имени нарицательного в значении имени собственного:

Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем

к селекции и субституции, либо способности к комбинированию и контекстной композиции <...> В первом случае подавляется отношение подобия, во втором — отношение смежности. Метафора не свойственна расстройством подобия, а метонимия — расстройством смежности» (Якобсон 1990: 126).

Гоня врагов, **Герой** открылся (8, 22)
(**Герой** 'Петр Великий');

Как ежели на Римлян злился
Плутон, являя гнев и власть,
И естли **Град** тому чудился,
Что Курций, видя мрачну пасть,
Презрел и младость, и породу,
Погиб за Римскую свободу (8, 90)
(**Град** 'Рим').

в) употребление антропонима в значении другого антропонима:

С **Сотином** — что за вздор? — **Аколаст** примирился! (8, 659)
(**Сотин** (от имени «Тресотиниус» — от фр. *très sot* — «очень глупый») 'В. К. Третьяковский'
Аколаст (от гр. *ἀκόλαστος* — «необузданный, дикий, наглый») 'А. П. Сумароков').

II. ОПИСАНИЕ СЛОВА, УПОТРЕБЛЕННОГО В ОБРАЗНОМ КОНТЕКСТЕ

1. В *перифр.* — в перифразе

ПЕРИФРАЗА — троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких (группа слов выражает семантику обозначаемого понятия). Например:

В **стенах Петровых** протекает
Полна веселья там Нева,
Венцем, порфирию блистает,
Покрыта лаврами глава (8, 224)
(**стены Петровы** 'Петербург');

О коль велика добродетель
В Петровых **нежных днях** цветет! (8, 62)
(**нежные дни** 'юность').

2. В *гиперб.* — в гиперболическом контексте

ГИПЕРБОЛА — троп, в котором прямое и переносное значения слова находятся в отношении «большее ~ меньшее» (преувеличение какого-либо качества или признака). Например:

В середине сердца мне **геенну** воспалил (8, 484);

Тогда во **все пределы Света**,
Как молния, достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух (8, 218).

3. *В ирон.* — в ироническом контексте

ИРОНИЯ — троп, в котором переносное значение слова противоположно или резко противопоставлено по смыслу прямому. Например:

Мышь некогда, любя **святыню**,
Оставила прелестной мир,
Ушла в глубокую **пустыню**,
Засевшись вся в галланской сыр (8, 769).

4. *В олицетв.* — в составе олицетворения

Одним из конструктивных особенностей поэтического языка М. В. Ломоносова является антропоморфизм в изображении частей света (Азия), стран и регионов (Россия, Кавказ), рек (Нева), явлений природы (заря), абстрактных понятий (тишина) и т. д. В таких олицетворениях, не являющихся собственно тропами, отсутствует явление лексического переноса значения (все слова употребляются в прямом значении), а антропоморфизация осуществляется за счет широкого аллегорического и мифологического контекста ломоносовской поэзии. В большинстве случаев подобные олицетворения являются развернутыми. Например:

Коль ныне радостна **Россия!**
Она, **коснувшись** облаков,
Конца не **зрит** своей державы,
Гремящей **насыщенна** славы,
Покоится среди лугов <...>
Седит и **ноги** простирает
На степь, где Хину отделяет
Пространная стена от нас;
Веселый взор свой **обращает**
И вкруг довольства исчисляет,
Возлегли **лактем** на Кавкас (8, 221–222).

Выделенные в данном примере слова, создающие антропоморфизацию изображаемого, употреблены в прямом значении. Однако в целом высказывание представляет собой иносказание: здесь говорится о том, что Россия — это огромная процветающая империя.

Ср. аналогичные примеры¹³:

Не **ад** ли тяжки узы **рвет**
И **челюсти разинуть хочет?** (8, 19);

Полна веселья там **Нева**,
Венцем, порфирию блистает,
Покрыта лаврами **глава** (8, 224);

И се уже **рукой** багряной
Врата **отверзла** в мир **заря**,
От **ризы сыплет** свет румяной
В поля, в леса, во град, в моря,
Велит ночным лучам склониться
Пред светлым днем, и в тверди скрыться (8, 138);

С способными ветрами **споря**,
Терзать да не дерзнет **борей** (8, 216).

5. *В сравн.* — в контексте сравнения

Тогда во все пределы Света,
Как молния, достигнул слух,
Что царствует Елисавета,
Петров в себе имея дух (8, 218).

6. *В alleg.* — в контексте аллегории

АЛЛЕГОРИЯ — «одна из форм иносказания, в которой конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения» (Лагутина 2003: 27). Аллегория не является тропом, поскольку в ней отсутствует явление лексического переноса (все слова употребляются в прямом значении), а иносказательность возникает только в контексте, причем понимание иносказания невозможно без учета историко-культурных

---

¹³ Жирным курсивом в приводимых контекстах выделены «олицетворяемые слова» («герои» ломоносовской поэзии, ср. в приводимых примерах: *Россия, ад, Нева, заря, борей*). Жирным шрифтом выделяются слова, с помощью которых происходит олицетворение (антропоморфизация).

реалий, на которых строится образ. К характерным чертам аллегории также обычно относят ее однозначность (в отличие от символа), тяготение к визуальному воплощению, тяготение к развернутой форме.

Пример аллегии (жирным шрифтом выделяются все слова, формирующие аллегорический образ):

Лев ныне токмо зрит **ограду**,
Чем путь ему пресечен к **стаду** (8, 219)
(*Лев* 'Швеция').

Общий смысл аллегорического иносказания следующий: шведы не смеют пересечь русско-шведскую границу, которая в соответствии с мирным договором 1743 г. была отодвинута далеко на запад.

7. *В мифол.* — в контексте мифа (как разновидности поэтического иносказания)

В поэзии М. В. Ломоносова обнаруживается большое количество мифологических имен в контекстах, представляющих собой иносказание. В большинстве случаев автор употребляет мифологическую лексику для разработки немифологических сюжетов, описания исторических персонажей, а также для передачи одического восторга и парения. Это приводит к образованию у данных слов вторичных значений¹⁴. При этом, наряду с иносказательно-аллегорическим смыслом, данные контексты, как правило, сохраняют и прямое значение мифологического имени.

Например:

Монархиня, кто Россов знает
И ревность их к Тебе внимают,
Помыслит ли противу стать?
Что *Марс*¹⁵ кровавый **не дерзает**
Руки своей **простерти** к нам,
Твой он силы **почитает**
И власть, подобну небесам (8, 219).

¹⁴ См.: (Войнова 1977: 121–129).

¹⁵ Жирным шрифтом выделены слова, формирующие мифологический образ.

Марс — римский бог войны — оказывается таким же героем ломоносовской оды, каким является императрица Елизавета Петровна; с другой стороны, в этом образе можно усмотреть аллегорию войны, воинственности. Такая двойственность интерпретации является неотъемлемой чертой мифа как вида поэтического иносказания, при котором некая общая идея мыслится в виде живого существа¹⁶. На данную особенность поэтики Ломоносова указала Т. Е. Абрамзон, отмечая «текучесть» создаваемых автором образов: «Мифологический образ как бы теряет устоявшееся в культуре значение: конкретное значение и коннотативная окраска возникают лишь при включении образа в тот или иной контекст. В одах М. В. Ломоносова намечается изменение качества художественности: происходит разрушение одномерности и статичности аллегорического художественного образа» (Абрамзон 2003: 428). Ср. несколько сходных примеров:

В полях кровавых *Марс* страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом *Нептун* чюдился,
Взирая на Российский флаг (8, 200);

И се *Минерва* ударяет
В верьхи Рифейски копием,
Сребро и золото истекает
Во всем наследии Твоем.

Плутон в расселинах мятется,
Что Россам в руки предается
Драгой его металл из гор (8, 205–206);

Сходящей с поль златых *Авроры*
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румянный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц возбуждает (8, 124).

---

¹⁶ См.: (Лосев 1995: 174). А. Ф. Лосев отмечал, что в мифе, как и в символе, «идейная образность действительности <...> дана вместе с самой действительностью <...> Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне субстанционально» (Лосев 1995: 166–167).

III. СОЧЕТАНИЯ ПОМЕТ

1. *Мтн. / В олицетв.* — метонимия / олицетворение

В ломоносовской поэзии обнаруживаются переносные значения, которые можно интерпретировать двояко — как метонимии и как олицетворения. Например:

Пред Росской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь **Хотин** своих.
Но что? В стенах ли может сих
Пред сильной устоять Царицей? (8, 27)

С одной стороны, образ Хотина, имея в виду контекст («стесняет», «может устоять»), а также с учетом ломоносовской тенденции к антропоморфизму, о которой шла речь выше, является олицетворением. С другой стороны, этот образ можно интерпретировать как метонимию (**Хотин** ‘защитники Хотинской крепости’).

Ср. аналогичные примеры:

Петрополь по Тебе терзался,
Когда с Тобою разлучался
Еще в зачатии Твоем (8, 63);

Россию, грубостью попанну
С собой возвысил до небес (8, 200).

В описании подобных случаев предлагается в словарной статье приводить обе возможности риторической интерпретации.

2. *Ант. В перифр.* — антономазия в составе перифразы

Возносят грады там в веселии главы;
О как красуетесь, Балтиски бреги, вы,
Тритоны с Нимфами там громко восклицают
И **Амфитриты** путь **Российской** прославляют (8, 802)
(**российская Амфитрита** ‘Екатерина II’).

IV. МЕСТО ПОМЕТЫ В СТРУКТУРЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Пометы могут ставиться:

- а) перед формулировкой значения,
- б) после знака особого употребления (|),
- в) перед устойчивым сочетанием / фразеологизмом. Например:

Мтн. ♦ вложить меч. *Прекратить войну.*

V. ПРОБНЫЕ СТАТЬИ¹⁷

АВРОРА (4)

✦ *Богиня утренней зари в римской мифологии.* На одном фидильном плане, которой должен быть нарочито от земли отделен и возвышен, изобразить выехавшую в колеснице на белых огнедышущих конях **Аврору** с факелом в руке и с утреннею звездою на челе (8, 534).

✦ *В мифол. Утренняя заря.* В «Кратком руководстве к риторике» в стихотворном примере.

Сходящей с поль златых **Авроры**
Рука багряна сыплет к нам
Брильянтов, искр, цветов узоры,
Дает румяный вид полям,
Светящей ризой мрак скрывает
И к сладким песням птиц возбуждает (7, 41).

| *Мтф. О начале новой эпохи.* В «Оде, которую в торжественный праздник высокога рождения всепресветлейшаго державнейшаго великаго государя Иоанна Третьяго .. 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит».

Породы Царской Ветвь прекрасна,
Моя Надежда, Радость, Свет,
Щастливых дней **Аврора** ясна,
Монарх-Младенец, райской Цвет,
Позволь Твоей рабе нижайшей
В Твой новой год петь стих тишайшей (8, 35).

📖 Аврора 8, 35; Р. Авроры 7, 41; 7, 126; В. Аврору 8, 534.
— Справ. Сл. XVIII в. Аврора; БАС Аврора.

АНТЕЙ (2)

✦ *В греческой мифологии — великан, сын Геи и Посейдона, живший в Ливии и вызывавший на бой всех чужеземцев.* В переводе Ломоносовым с французского языка фрагмента книги

---

¹⁷ Приведенные словарные статьи составлены членами авторского коллектива Словаря языка М. В. Ломоносова — К. Н. Лемешевым, Е. М. Матвеевым, А. С. Смирновой, Г. Ю. Смирновой. Пометы переносных значений и образных словоупотреблений выделены жирным шрифтом.

«*La Lusíade du Camoens. Poème héroïque sur la découverte des Indes orientales. Traduit du portugais par Duperron de Castera*» (Лузиада Камозэнса. Героическая поэма об открытии Восточной Индии. Переведено с португальского Дюперроном де Кастера. Париж, 1735). По левую руку оставили берега Мавританские, славные лютостию **Антея**-исполина (7, 144). В одической поэзии. **В мифол.**

Края небес уже трясутся,
Пути обычны звезд мятутся!
Никак ярится **Анте́й** злой!
Не Пинд ли он на Оссу ставит?
А Этна верьх Кавкасской давит?
Не Солнце ль хочет снять рукой? (8, 37)

📖 Антей 8, 37; Р. Антея 7, 144.

[АРФА] (2), ж.

✦ *Щипковый струнный музыкальный инструмент. В торжественных одах при описании одического восторга и «парения».*

Не сам ли в **арфу** ударяет
Орфей, и камни оживляет,
И следом водит хор древес? (8, 133)

| **В аллег.**

Взлети превыше молний, Муза,
Как Пиндар, быстрый твой орел,
Гремящих **Арф** ищи союза
И в верьх пари скоряе стрел (8, 83).

📖 В. арфу 7, 133; мн. Р. Арф 8, 83.

— Справ. Сл. РЯ XI–XVII вв. арфа; Сл. XVIII в. арфа; САР арфа; Сл. 1847 арфа; БАС арфа.

[АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ] (1), АЛЕКСАНДР (25), АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ (17).

✦ *Александр Македонский (356–323 до н. э.), царь Македонии с 336 г., создавший в результате военных походов крупнейшее государство Древнего мира, распавшееся после его смерти;*

со времен античности считался одним из величайших полководцев. Я заметил здесь, что от господина Миллера пропущен самый лучший случай к похвале славянского народа, ибо как известно, что скифы Дария, персидского царя, Филиппа и **Александра**, царей македонских, и самих римлян не устрашались, но великие им отпоры чинили и победы над ними одерживали, то посему легко заключить можно, что народ славянский был весьма храбрый, который преодолел мужественных скифов и с пространных селений выгнал, чего ему без великих сражений и знатных побед учинить нельзя было (6, 21). Ерманарик, король остроготский, за храбрость свою по завладении многими северными народами сравнен был от некоторых с **Александром Великим**, имел у себя войско роксоланское и за свирепство от роксолан лишен жизни (6, 212). | В трудах по риторике и грамматике в примерах. Приложенные имена даются сверх свойственных, что бывает .. 2) когда по особливим делам или свойствам дано кому будет проименование, так: **Александр** от великого мужества назывался великий, Аттила от строгости — бич божий (7, 104). И **Александр Великий**, хотя солдат своих подвигнуть на гнев против Бесса, Дариева убийцы, говорит у Курция, в книге 6: *Погрешили мы, любезные мои солдаты, ежели Дария для того только победили, чтобы холопу его отдать государство, который дерзнул учинить крайнее беззаконие и государя своего, иже от чужих помощи требующего, как пленника держал во узах, которого бы мы, победители, пощадили.* (7, 184) — Ср.: *Nos vero peccavimus, milites, si Darium ob hoc vicimus, ut servo eius traderemus imperium. Qui ultimum ausus scelus, regem suum, etiam externaе opis egentem, certe, cui nos victores pepercissemus; quasi captivum in vinculis habuit: ad ultimum, ne a nobis conservari posset, occidit* (*Curt. VI, 3, 13*¹⁸). Витиеватые речи (которые могут еще назваться замысловатыми словами или острыми мыслями) суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезвычайным образом, и тем составляют нечто

---

¹⁸ *Quinti Curtii Rufi, De rebus gestis Alexandri Magni, regis Macedonum, libri superstites. Curavit et digessit H. Snakenburg. Delphis & Lugd. Bat., 1724. P. 403.*

важное или приятное, например: **Александр**, толиких госуда-
рей и народов победитель, побежден был своим гневом и все имел
в своей власти кроме страстей своих и не знал, что большая
всех власть есть повелевать себе самому (Сенека в посл. 119)
(7, 205). Ср.: Victor tot regum atque populorum, irae tristitiaequ
succubuit. Id enim egerat, ut omnia potius haberet in potestate quam
affectus. O quam magnis homines erroribus tenentur, qui ius domi-
nandi trans maria cupiunt permittere: felicissimosque se iudicant, si
multas per milites provincias obtinent, et novas veteribus adiungunt,
ignari quod sit illud ingens parque diis regnum! Imperare sibi, maxi-
mum imperium est doceat me (Sen. Epist. 113¹⁹). От уподобления
происходят витиеватые речи .. 2) Когда что само с собою урав-
няется: **Великий Александр** тогда себя был боле, / Когда повеле-
вал своей он сильной воле (7, 218). Страдательный глагол требует
родительного с предлогом отъ или творительного без предлога:
книга твоя прочтена мною со вниманіемъ; Дарій побѣжденъ
отъ **Александра**, но убить отъ своихъ рабовъ (7, 561). Из сти-
хотворного посвящения к «Краткому Российскому летописцу»,
адресованного великому князю Павлу Петровичу. **В сравн.**

Я обращаю взор к вечерним сторонам,
В науках и в войнах героев вижу там.
Для малости сих строк я их не исчисляю
И вместо всех Петра со Карлом представляю.
Сей шел, как **Александр**, вселенной потрясти,
Но он победами пресек его пути,
Один нас просветить учениями тщился,
Другой в сражениях взять первенство стремился (6, 291).

| В переводе оды Жана-Батиста Руссо «À la Fortune».

Почтить ли токи те кровавы,
Что в Риме Сулла проливал?
Достойноль в **Александре** славы,
Что в Аттиле всяк злом признал? (8, 662).

Ср.: Quoi ! Rome et Italie en cendre
Me feront honorer Sylla ?

---

¹⁹ L. Annaei Senecae philosophi, Opera omnia. Accessit a viris doctis ad Senecam annotatorum delectus. Tomus secundus in quo Epistulae, et Quaestiones Naturales. Lipsiae, 1702. P. 505.

J'admire dans Alexandre
Ce que j'abhorre en Atilla ?²⁰

✦ *Ант. О победителе в войне.*

Пускай в Германии Герой ваш <Карл XII. — М. М., Е. М.> успевает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастьем кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб Александром стать (8, 729).

☞ Александр 6,291; 7,29; 7,29; 7,32; 7,32; 7,48; 7,104;
7,108; 7,205; 7,210; 7,344; 7,344; 7,345; 7,345; 7,346;
7,356; 7,360; 7,361; 7,362; 7,362; Александр Великий
7,108; 7,181; 7,184; 7,218; 7,288; 8,173; Р. Александра
6,21; 7,561; Александра Великого 5,616; 6,189; 7,32; 7,49;
7,108; Д. Александру Македонскому 7,274; Александру 7,346;
Александру Великому 7,47; 7,157; 7,211; 7,213; 7,233; Т.
Александром 8,729; Александром Великим 6,212; 7,342; П.
Александром 8,662.

АХИЛЛЕС (12) и АХИЛЛ (1)

✦ *В греческой мифологии сын царя Пелея и морской богини Фетиды, один из храбрейших героев Древней Греции, участник Троянской войны. | В «Кратком руководстве к риторике». Переменные прилагательные имена изобретаются: .. 6) От страстей, н. п.: ярый Ахиллес, гордый фараон (7, 56). | В «Кратком руководстве к красноречию» в примере гиперболы. Так, Ахиллес, гневный на Агамемнона, говорит у Гомера, что он с Агамемноном не примирится, хотя бы он давал ему все богатство, которое в песке морском или в земных недрах скрыто, и дочери его за себя не поймет, хотя бы она красотой с Венерой и искусством с Минервою могла сравниться (7, 255). | В «Российской грамматике». Усугубленные буквы всегда по складам разделяются —*

²⁰ Odes de J.-B. Rousseau. Édition classique, avec notes critiques et littéraires, par J.A. Amar, ancien inspecteur de l'université. 4ème édition. Paris : Imprimerie et Librairie classiques de Jules Delalain, imprimeur de l'Université royal de France, 1847. P. 90.

одна к предыдущему, другая к следующему: *стран-ный, Ахил-лесь*. (7, 428).

| *В поэзии.*

Хотяб Гомер, стихом парящий,
Что древних Еллин мочь хвалил,
Ахилл в бою как огонь палящий
Искусством чьем описан был,
Моих увидел дней изрядство,
На Пинд взойтиб нашол препятство (8, 41).

| *В переводе Сенеки.* Когда вещь из одного времени в другое перенесется, н. п., Андромаха говорит женщинам троянским: ваша Троя ныне, а моя уже тогда упала, когда бесчеловечный **Ахиллес** терзал мои члены (то есть Гектора) (7, 48). *Ср.:*

...Ilium uobis modo,
Mihi cecidit olim, cum ferus curru incito
Mea membra raperet, et graui gemeret sono
Peliacus axis pondere Hectoreo tremens (*Sen. Troad.* 413–416²¹).

| *В переводе Гомера.*

Мы как бы у Атрида;
Твоею, **Ахиллес**, здесь пищею довольны (8, 160).

Ср.:

Χαῖρ' Ἀχιλεῦ δαιτὸς μὲν εἴσης οὐκ ἐπιδευεῖς
Ἦ μὲν ἐν κλισίῃ Ἀγαμέμνονος Ἀτρείδαο

⇔

Salve Achille conuinii quidem aequalis non egeni sumus,
Sive in tentorio Agamemnonis Atridae (*Hom. Il. IX*, 225–226²²).

²¹ L. M. *Annaei Senecae*. Tragoediae, cum notis Thom. Farnabii. Amsterdami, 1632. P. 121.

²² *Homeri* quae extant omnia. Ilias, Odyssea, Batrachomyomachia, Hymni, Poematia aliquot. Cum latina versione omnium quae circumferuntur emendatis, aliquot locis iam castigatiore. Perpetuis item justisque in Iliada simul et Odysseam Io. Spondani Mauleonensis commentariis. Pindari quinetiam Thebani Epitome Iliados latinis versib. & Daretis Phrygii bello Troiano libri a Com. Nepote eleganter latino versi carmine. Basileae, 1583. P. 158.

✦ *Ант. Об отважном воине.*

Под инну Трою вновь приступит
Российский храбрый **Ахиллес**,
Продерсский мечь врагов притупит,
Хвалою взойдет к верьху небес (8, 106).

📖 Ахилл 8,41; Ахиллес 7,48; 7,56; 7,212; 7,254;
7,255; 8,106; 8,160; Ахиллесъ 7,428; Р. Ахиллеса 7,197;
Т. Ахиллесом 8,437; 8,438; П. Ахиллесе 7,592.

АМУР¹ (2)

✦ *Амур — река на Дальнем Востоке. В «Первых основаниях металлургии или рудных дел». Из Азии Амур, Желтая и Синяя реки изливаются на восток в Тихое море; на полдень в Индейское — Гангес, Инд; на полночь в Ледовитое — Обь, Енисей, Лена; на запад Аму и Сыр в Аральское, между коими текут другие меньшие, впрочем, великие реки (5, 534). В одической поэзии. В олицетв.*

Мы дар Твой до небес прославим
И знак щедрот Твоих поставим,
Где солнца всход и где **Амур**
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В Твою державу от Манжур (8, 204).

📖 Амур 5,534; 8,204.

АННА¹² (9), АННА ИОАННОВНА (6)

✦ *Анна Иоанновна (1693–1740), российская императрица (1730–1740). Сим множеством излишних и негодных служителей так отягощена была Академия, что не токмо определенной суммы 25 тысяч и доходов от Типографии и от Книжной лавки, но и чрезвычайных прибавлений недоставало, которых до ста десяти тысяч рублей сверх положенной суммы блаженная памяти государыня императрица **Анна Иоанновна** в разные времена Академии пожаловала (10, 39). В прошлом 1736 г.*

указом е. и. в. блаженные и вечнодостоинныя памяти великия государыни императрицы **Анны Иоанновны**, данным из высокого Кабинета, повелено было мне, низжайшему, ехать в Германию, в город Фрейберг для научения металлургии (10, 326). По высочайшему е. и. в. блаженным памяти государыни императрицы **Анны Иоанновны** указу из высокого Кабинета при посылке моей в Германию для научения химии и горных дел определено было мне жалованья по четыреста рублей в год (10, 340). | В поэзии. Велика(я), прекрасна(я) Анна.

Великой **Анны** грозной взор
Отраду дать просящим скор (8, 26).

Доброт чистейший лик вознес
Велику **Анну** в дверь небес (8, 51).

Красуются Петровы стены,
Что к ним Его приходит внук,
Прекрасной **Анной** днесь рожденный (8, 60).

| **Метон.**

На юге **Анна** торжествует,
Покрыв своих победой сей (8, 23).

📖 Анна 8,23; 8,30; Анна Иоанновна 10,39; 10,274;
Р. Анны 8,20; 8,26 Анны Иоанновны 10,165; 10,326; 10,338;
10,340; В. Анну 8,29; 8,51; 8,775; Анной 7,58; 8,28; 8,60.

СЛОВАРИ

1. БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
2. Григорьев 1965 — Григорьев В. П. Словарь русской советской поэзии. М., 1965.
3. Проект Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Проект / отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1977.
4. САР¹ (САР) — Словарь Академии Российской, производным путем расположенный: в 6 ч. СПб., 1789–1794.
5. САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. СПб., 1806–1822.
6. Сл. XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л., 1984–1991. Вып. 7–19. СПб., 1992–2011.
7. Сл. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка под редакцией А. Х. Востокова: в 4 т. СПб., 1847.

8. САТГ — Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Вып. 1. А — всевидящий. Л., 1974.
9. Сл. ДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1890–1912.
10. Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
11. СЯП 1956 — Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 1956–1961. Т. 1. М., 1956.
12. СЯРП 2001 — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1 (А — В) / сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л., Бакеркина В. В. и др. М., 2001.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон 2003 — Абрамзон Т. Е. Мифологические образы как составляющие ломоносовского одического этоса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. С. 425–429.
2. Авеличев 1986 — Авеличев А. К. Возвращение риторики // Общая риторика: пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986.
3. Адрианова-Перетц 1947 — Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947.
4. Арутюнова 1990 — Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
5. Безменова 1991 — Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М., 1991.
6. Бельский 1954 — Бельский А. В. Метафорическое употребление существительных (к вопросу о генитивных конструкциях) // Уч. зап. 1 МГПИИЯ. Т. VIII: Экспериментальная фонетика и психология речи. М., 1954.
7. Виноградов 1978 — Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // История русского литературного языка. Избранные труды. М., 1978.
8. Войнова 1977 — Войнова Л. А. Функционально-семантические особенности мифологических собственных имен и показ их в историческом словаре XVIII в. // Проблемы исторической лексикографии. Л., 1977.
9. Круглов 2004 — Круглов В. М. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004.
10. Кутина 1980 — *Кутина Л. Л.* Вопросы лексической семантики в Словаре Академии Российской (1789–1794 гг.) // Словари и словарное дело в России XVIII в. Л., 1980.
11. Лагута 2003 — *Лагута О. Н.* Метафорология: теоретические аспекты. Ч. 2. Новосибирск, 2003.
12. Лагутина 2003 — *Лагутина И. Н.* Аллегория // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.

13. АПСС — *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950–1959, 1983.
Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу, 1741–1763 гг. М.; Л., 1954;
Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М.; Л., 1952;
Т. 7: Труды по филологии, 1739–1758 гг. М.; Л., 1952;
Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л., 1959;
Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л., 1952.
14. Лосев 1995 — *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
15. Михайлов 1997 — *Михайлов А. В.* Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997.
16. Моисеева 1971 — *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. М., 1971.
17. Мокиенко 1989 — *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1989.
18. Москвин 2007 — *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д, 2007.
19. Начертание 1880 — Начертание для составления толкового словаря Словяно-русского языка // Полное собрание сочинений П. А. Вяземского: в 12 т. СПб., 1878–1896. Т. 5. СПб., 1880.
20. Поцепня 1997 — *Поцепня Д. М.* Образ мира в слове писателя. СПб., 1997.
21. Поэт и слово 1973 — Поэт и слово: Опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. М., 1973.
22. Серман 1966 — *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1966.
23. Скляревская 2004 — *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб., 2004.
24. Сухомлинов 1888 — *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии М. И. Сухомлинова. Выпуск восьмой и последний. Приложение к LVIII-му тому Записок Императорской Академии наук. № 1. СПб., 1888.
25. Томашевский 1999 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М., 1999.
26. Хазагеров, Ширина 1994 — *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д., 1994.
27. Шестакова 2011 — *Шестакова Л. Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М., 2011.
28. Щерба 1940 — *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 92.
29. Якобсон 1990 — *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990.

M. Mamatova, E. Matveev. Figurative language strategies in M. Lomonosov's poetics: an attempt of dictionary description.

The article focuses on some problems of meta-language semantic description of M. V. Lomonosov's poetic language. A list of labels relevant for M. V. Lomonosov's poetics used in Lomonosov's language dictionary can be divided into two groups. The first one describes figurative meanings of the particular word (four tropes are included here — metaphor, metonymy, synecdoche and antonomasia). The second one describes figurative contexts (extended tropes such as periphrasis, hyperbole, irony) and figurative language phenomena which are not tropes (some types of personification, simile, allegory, myth).